

**ПОЛИНА
БАРСКОВА**

**СОЛНЕЧНОЕ УТРО
НА ПЛОЩАДИ**

Санкт-Петербург

Нонне, Фросе и Остапу

* * *

Я выйду ночью на крыльцо,
Услышу разговор
О том, что Царь на свете жил,
Великий Святогор,
О том, что Небо и Земля —
Подруги с давних пор.
Я выйду ночью на крыльцо,
Услышу разговор.

1984

РОЖДЕСТВО

(1991)

ЮДИФЬ И ПТИЦЫ

Это тени пурпурные — отблески голого тела.
Это мясо не съедено, или вода не допита.
Всем спокойного сна в ожидании страшного дела,
Кто сказал вам, что Родина сладостней,
чем Афродита?

Это утро без мыслей с миской дешевой похлебки.
Ненавидишь калек, потому что бесполы калеки.
Если дал тебе Бог золотые глаза эфиопки,
Отдавай себя людям. Во имя людей и навеки.
Эта пара браслетов, которые ласки не стоят.
Но пока есть кочевники, есть пополнение
в школах.

Мы дождемся рассвета, когда наши ноги омоют
И когда наши песни сольются с наливками в селах.
Мы больны той болезнью, которую лечат веревкой
Или, в случае кризиса, грязной водою Фонтанки.
Так в звенящее небо безумные смотрят чертовки;
Как зеленая змейка в блестящее зеркало ранки.

ПСУ НА СОСЕДНЕМ БАЛКОНЕ

Мы были вдвоем на свете.
Только он на другом балконе,
Только он в другом королевстве сидел
И поглядывал вниз.

Холодный вечерний ветер тонул
В нашем тихом стоне.
Никому не нужные звезды по очереди
Зажглись.
А я кого-то любила
И, наверное, сильно страдала.
А душа его тихо скулила,
Принимая меня всерьез.

И если б меня не стало,
Неожиданно так не стало,
Меня б пожалел и плакал
Только этот задумчивый пес.

* * *

Я привыкла быть одна,
Будто ракушка у дна.
Пузырьками испарялась
Голубая тишина.
В темноте и глубине
Под волной и на волне
Тихий свет по дну струится,
Как в спокойно-синем сне.
В этой страшной тишине,
В этой странной тишине
Я живу на этом черном
И таком далеком дне.

* * *

О, что нам нужно в жизни этой,
Беспомощной, слепой и жалкой?
А ночью воздух пахнет Летой
И тень волос твоих — фиалкой.
Мы все подброшены к воротам
Домов или к норе дракона.
И вспомнят грязным анекдотом
Тех, кто родил нас вне закона.
Но в странном лепете уroda,
В движенье розовых пуант
Мы видим, как дрожит свобода
Под вашим сапожком, инфант.
Мы отвернемся, что нам это?
Купавы, бабочки, река ...
Меня здесь держат шелк рассвета
И в складочках твоя рука.

БАРЫШНИКОВ

Поднимается пыль над дорогою в замок.
Переливчатый шмель надувается медом.
То ли рокот кузнечика,
То ли цыганок
Полубожественный шум.
Идиотом
Выглядит солнце, висящее рядом с ладонью.
Выжжены травы и колются.
Кажутся болью
Страх и блаженство.
И чем ближе закат, тем доступней тебе
совершенство:

Села на камень растопленный,
Горящие плечи
Не шелушатся, но тканью становятся жесткой.
— Или гроза надвигается.
Или спускается вечер. Пахнет земля вазелином,
клубникой,
известкой.
Так олимпийские боги над нами глумятся.
Черное небо. Звонят виноградины града.

Пугало стонет — потомок маркиза де Сада.
Шляпу бросает, таращит глаза святотатца.
Медленно, жизни подобно, кончается ливень.
Птицы молчат и, наверное, ждут повторенья.
Месяц мой, месяц, искусно Отточенный бивень!
Плачет Господь. Его совершенно творенья.

БРОДСКИЙ

Нет, Клеопатра, жемчуг не нужен твой.
Светит алмазом холодным и синим окно. Здесь на лету
Застывает дыханье.

Пой,

Великолепный Орфей,
И останутся ноты во рту.

Злобные гномы бессовестно дуют на чай,

В инее ворон танцует

на легком снегу.

Кошке, должно быть, приснился

Апрель или май,

Но разбудить и спросить у нее не могу.

Холод всеилен.

Седеет Отелло.

Шекспир

Дочь воспитает,

Из уха достанет серьгу.

Кружится пол.

Как туман, розовеет эфир.

И комары в мандельштамовском нежном стогу.

Письма лежат на столе — превращаются в лед.

Бросить в огонь невозможно.

Читать нету сил.

Где-то за снегом все это создавший живет,

Но для него у меня не хватает чернил.

БРОДСКИЙ И БАРЫШНИКОВ

И когда ты настанешь, конец октября?
Мне не пишется в золоте.

Пепел и хлад.

Что любимее мной, чем больная заря
И беззвучные долгие стаи наяд?

Тем пошлее сравненье

Листа со звездой,

И компании галок с кровавой ордой,

И дождей завывающих с мертвой водой,

Чем быстрее рассудок изменится мой!

В это странное время добавить апрель,

И получится книга — Веселый Орган.

Если в Греции лодку бросает на мель,

Погибают пионы в садах англичан.

РАСА БРЕЗГЛИВЫХ

(1996)